

отреченію отъ личнаго блага, и ихъ нельзя обмануть утопической картиной счастья человѣчества, когда оно будетъ удѣломъ одного поколѣнія, ради котораго безмыслиемъ трудилось все человѣчество до него. Эти эгоисты прекрасно разберутся въ психологическомъ и метафизическомъ мусорѣ, которымъ окружена предлагаемая имъ мораль, и они слабость обоснованія морали съ радостію перенесутъ на самую мораль. И нельзя не сказать, что Л. Толстой сдѣлалъ безсознательно все, чтобы дать ликоватъ многимъ представителямъ морали эгоизма.

Не примутъ нравственного ученія Л. Толстого и тѣ, кто, извѣрившись въ необходимость религіозной санкціи для морали, пытаются построить ее или на метафизическіхъ основахъ или на основаніяхъ точной науки. Для первыхъ жалкой покажется метафизика Л. Толстого, представляющая воскрешеніе старого метафизического хлама въ обстановкѣ парадоксовъ и противорѣчій, и они, даже при склонности своего сердца къ самоотверженной любви, постараются подыскать для нея болѣе надежныя и крѣпкія метафизическая основанія. Для враждебныхъ всякой метафизикѣ представителей «научной» этики нравственное ученіе Л. Толстого явится новымъ и блестящимъ доказательствомъ того вреда, какой происходитъ въ области нравственныхъ вопросовъ отъ вторгающагося сюда метафизического тумана, и они станутъ только пожимать плечами, слушая философствованія гениальнаго художника. Подобное отношеніе ихъ къ Л. Толстому тѣмъ понятнѣе, что заповѣдь о любви къ ближнему съ ихъ точки зрѣнія гораздо научнѣе обоснована Контомъ, Миллемъ и др. представителями морали альтруизма.

Остаются люди, не имѣющіе никакихъ религіозныхъ убѣждений, но ищущіе нравственного смысла и нравственной задачи въ жизни. Можетъ быть, неудовлетворяемые никакими существующими нравственно-философскими ученіями, они съ жаромъ примутся за изученіе нравственныхъ воззрѣній всѣми любимаго художника. Можетъ быть, ихъ преклоненіе предъ личностію автора рассматриваемой морали, при извѣстной склонности ихъ сердца къ самоотверженію и любви, сдѣлаетъ ихъ поклонниками и нового ученія. Пусть даже первое впечатлѣніе отъ метафизическіхъ основъ новой морали, когда благоговѣніе